

УДК 130.2:378.147.31

И. В. Ключева

**Методологические основания вузовских лекций
М. М. Бахтина**

В статье анализируются лекции М. М. Бахтина по дисциплинам «Введение в литературоведение» и «История зарубежной литературы», прочитанные в Мордовском государственном университете (до 1957 г. — Мордовский педагогический институт им. А. И. Полежаева), записанные его студентами в 1950-х гг. Выявляются методологические основания построения данных курсов: культурологический подход к анализу литературных процессов, принцип диалогизма, сравнительно-исторический метод, прием сравнения и сопоставления мотивов как мельчайших семантических элементов художественного текста.

Ключевые слова: *М. М. Бахтин, культурологический подход в изучении литературы, диалог культур, мотив в художественном произведении.*

Klyueva I. V. The methodological basis of M. M. Bakhtin's university lectures

The paper deals with M. M. Bakhtin's lectures on the disciplines «Introduction to Literature» and «History of Foreign Literature», read at the Mordovia State University (before 1957 — Polezhaev Pedagogical Institute) recorded by his students in 1950s. It identifies methodological bases for constructing these courses: culturological approach to the analysis of literary processes, the principle of dialogism, comparative-historical method, reception and comparison of motives as the smallest semantic elements of a literary text.

Keywords: *M. M. Bakhtin, culturological approach to studying literature, dialogue between cultures, motive as a piece of art.*

Четверть века (1936—1937, 1945—1969 гг.) деятельность выдающегося философа, культуролога, филолога М. М. Бахтина была связана с главным вузом Мордовии — Мордовским государственным университетом (до 1957 г. — Мордовский государственный педаго-

гический институт им. А. И. Полежаева). За эти годы им были прочитаны общие курсы по введению в литературоведение, истории зарубежной литературы (с античности до середины XX в.), спецкурсы по теории романа, методике преподавания литературы в средней школе, эстетике и др. Ученый выступал перед студенческой аудиторией, а также на предприятиях и в учреждениях Саранска с лекциями и беседами об эстетике, литературе и искусстве. Выйдя на пенсию в 1961 г., Бахтин сохранял связь с университетом — руководил работой аспирантов, а также продолжал выступать с лекциями по линии общества «Знание». Прошло немало лет, но некоторые студенты и слушатели до сих пор хранят тетради с записями его лекций. На Первых (1989) [6] и Вторых (1991) [4] Саранских Бахтинских чтениях саранские бахтиноведы поставили перед собой задачу — разыскать, собрать, расшифровать, прокомментировать, систематизировать, опубликовать, проанализировать эти записи. Введение в научный оборот материалов из этого корпуса может заметно обогатить бахтиноведение, литературоведение и гуманитарное знание в целом.

К настоящему времени нами обнаружен целый ряд конспектов учебных лекций, прочитанных Бахтиным в 1953—1959 г. для студентов филологического факультета Мордовского пединститута/университета. Часть их нами опубликована — это лекции по истории зарубежной литературы (Античность, Средние века), прочитанные Бахтиным в 1958/59 учебном году, записанные В. А. Мирской [1], по курсу «Введение в литературоведение», записанные Т. М. Живаевой (Ковалевой) (1 семестр 1955/56 учебного года) [5, с. 414—427], по курсу «История зарубежной литературы», записанные Г. В. Балабаевым (1953/54 учебный год) [5, с. 221—285] и Г. С. Белоключевским (1953/54 и 1954/55 учебные годы) [5, с. 285—413], а также лекции по эстетике, прочитанные в городском Университете культуры в 1959 г., записанные (фрагментарно) А. И. Талалаевой [5, с. 427—429]. (Все эти бывшие студенты Бахтина впоследствии успешно работали в учреждениях высшего образования, средств массовой информации и других сферах, требующих серьезной филологической подготовки.)

В настоящее время нами ведется работа по подготовке к публикации записей лекций Бахтина, сделанных одним из студентов за

очного отделения филологического (литературного) факультета Мордовского педагогического института в начале 1937 г.

Курсы, прочитанные Бахтиным, в целом соответствующие стандартной учебной программе, дают возможность почувствовать личность Бахтина, узнать его научные, эстетические и художественные предпочтения. Несмотря на усилия ученого говорить языком, доступным для студентов провинциального вуза, в лекции «прорываются» положения его научной теории со специфической терминологией, например «Человек не мертвая вещь, отделить его бытие-для-себя от бытия-для-других невозможно» [5, с. 422].

Для анализа литературных процессов Бахтин применяет культурологический подход: художественная литература рассматривается им в общекультурном контексте, факты ее истории рассматриваются как аспект истории всей культуры, писатель предстает в качестве выразителя определенной культурно-исторической эпохи как специфического духовно-эстетического комплекса, художественные произведения понимаются как знаковая объективация ее ментальности.

В 1924 г. в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» Бахтин подчеркивал, что невозможно «построить науку об отдельном искусстве независимо от познания и систематического определения своеобразия эстетического в единстве человеческой культуры» [2, с. 28]. Об этом же мыслитель говорит спустя почти полвека, отвечая на вопросы редакции журнала «Новый мир»: «Литература — неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи. Ее недопустимо отрывать от остальной культуры...» [2, с. 502]. В качестве примеров культурологического подхода к изучению литературных процессов Бахтин приводит имена отечественных литературоведов А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, отмечая «широчайшие культурные горизонты» их исследований» [2, с. 502].

Примечательно, что в своих лекциях Бахтин неоднократно упоминает имя Веселовского. В фондах научной библиотеки Мордовского государственного университета (сегодня носящей имя М. М. Бахтина) сохранились экземпляры книг Веселовского с характерными пометами Бахтина. Нам также удалось обнаружить библиотечный формуляр к этой книге с подписью Бахтина и датой «8.X.1945» [1, с. 134].

В литературоведческих работах Бахтина нередко упоминаются произведения из других областей художественного творчества: архитектуры, музыки, живописи, скульптуры [см. об этом: 3], встречаются имена художников и музыкантов. Это характерно и для его лекций, в которых он стремится к обнаружению глубоких духовных связей творчества того или иного автора с менталитетом определенного исторического периода, его мировоззренческо-культурными доминантами, по-своему выраженными в разных видах искусства. Так, в записях лекций по истории зарубежной литературы, прочитанных в 1958/59 учебном году, упоминаются имена живописцев М. А. Врубеля, Н. К. Рериха, композиторов Г. Берлиоза, Л. ван Бетховена, В. А. Моцарта и многократно — Р. Вагнера. Бахтин постоянно подчеркивал важность культурологических познаний для студентов, изучающих литературу. Так, на заседании руководимой им кафедры литературы 6 февраля 1953 г. он говорил: «На экзаменах студенты отвечают абстрактно, сухо, боятся конкретности. Студенты совершенно не знают истории, не имеют представления об эпохе. Общая культура студентов низка, например, студенты не знают, кто такой Моцарт, Бетховен, Бородин, не могут назвать картин Репина...» [7, л. 178].

Основным методологическим принципом анализа литературного процесса в лекциях Бахтина является принцип диалога культур — как по вертикали (во времени), так и по горизонтали (в пространстве). Вслед за Веселовским он использует сравнительно-исторический метод, выявляя связи между явлениями литературы (и шире — культуры) в разных странах, в разные эпохи, используя приемы сравнения (обнаружение сходства) и сопоставления (обнаружение различия). С этой целью Бахтин, как и Веселовский, уделяет большое внимание художественной мотивике и сюжетике в аспекте исторической поэтики, на конкретных примерах показывая жизнь транс-исторических, «сквозных», «вечных» мотивов в «большом времени» культуры, прослеживая их изменения в разных историко-культурных контекстах, их специфические интерпретации в творчестве разных авторов.

Интерес к мотиву как мельчайшему семантическому элементу художественного текста, обладающему мощным эстетическим и смысловым потенциалом, к мотивным комплексам занимает боль-

шое место в теоретическом наследии Бахтина, например в работе «Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике)» (1938—1939), созданной в те же годы книге о Рабле и др. В лекциях мы также встречаемся с характерным для него вниманием к этим явлениям. Так, например, при рассмотрении европейского народного героического эпоса он выделяет фольклорные мотивы, получившие развитие в мировой литературе и культуре: кельтские мотивы (времени, веры в свою судьбу, острова прекрасных женщин («острова блаженства»), мотивы любви («голубого цветка»), мотивы скандинавского эпоса (гибели богов), мотивы германского эпоса (пленения богов, кольца и «огненного кольца», проклятия золота, Фафнира, кузнеца Регина, меча, борьбы с драконом, забвения любви, свата — заместителя жениха, родовой мести, соединения после смерти и др.) [1, с. 41—76].

Рассказывая студентам о средневековом романе и драме, Бахтин выделяет сложившиеся в них мотивы, нашедшие продолжение в мировой литературе: мотив противопоставления любви и общественной несправедливости (от романов о Тристане и Изольде до «Ромео и Джульетты» У. Шекспира), социального неравенства (античные романы «восточного цикла» — «Флуар и Бланшефлор», «Окассен и Николет»), договора с дьяволом — «мотив Фауста» («Миракль о Теофиле» Рютбефа) и др. [1, с. 81—96; 5, с. 227—232].

Среди мотивных комплексов лектор называет, например, городские мотивы («Роман о Розе» Ж. де Мена), религиозные, психологические мотивы («Робинзон Крузо» Д. Дефо), социальный мотив (Т. Грей), идиллические (И. Я. Бодмер и И. Я. Брейтингер), пессимистические мотивы («Каин» Байрона, вторая редакция «Искушения святого Антония» Г. Флобера), мотивы библейского предания («Саломея» Флобера) и др. [5, с. 229—409].

Рассматривая явления западноевропейской литературы в тесной связи с русской литературой и культурой, Бахтин не принимает положений так называемой теории заимствования, характерной, в частности, для представителей сложившейся в XIX в. в Санкт-Петербурге филологической школы скандинавистов, делавших вывод, что почти все русские легенды и былины имеют скандинавское происхождение. «Эта школа, много сделавшая в добывании конкретного материала, должна быть признана неверной, лженауч-

ной. Общее объясняется не заимствованием. Этот термин нужно отбросить, заменив его термином “взаимодействие”, “взаимообмен”. Без взаимообмена никакое развитие литературы невозможно... Соприкосновение славянских народов со скандинавскими было очень тесным... Это обогащало и тех, и других. Но и те, и другие, перерабатывая песни, сказания, налагали черты национальные», — подчеркивает лектор [1, с. 52].

В лекциях по курсу «Введение в литературоведение» неоднократно упоминаются русские писатели: И. С. Тургенев (образы природы, романы «Отцы и дети» и «Рудин»); Л. Н. Толстой (роман «Война и мир» и др.), В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов («Мцыри», «Братья-разбойники», «Исмаил-Бей»), Козьма Прутков, Н. А. Некрасов, Н. В. Гоголь («Ревизор»), И. А. Гончаров, А. П. Чехов. А. И. Куприн, И. А. Бунин [5, с. 414—427].

Чаще всех из русских писателей в текстах лекций встречается имя А. С. Пушкина. В курсе «Введение в литературоведение» упоминаются его произведения: роман в стихах «Евгений Онегин», поэмы «Кавказский пленник», «Алеко», «Медный всадник», «Полтава», историческая трагедия «Борис Годунов», стихотворения «Зимняя дорога», «Зимний вечер» и др. [5, с. 414—427]. В записях В. А. Мирской Пушкин нередко упоминается при рассмотрении античной литературы: «Архилох сыграл огромную роль в последующей литературе. Особенно ценил его Пушкин, конкретно, мотив наемника, в последекабрьскую эпоху...» [1, с. 20]. Упоминается тот факт, что Пушкин «хорошо перевел» стихотворения Анакреона [1, с. 26]. О Пушкине Бахтин говорит и при рассмотрении литературы западноевропейского Средневековья, в частности о том, что в лицейский период поэт писал подражание Оссиану [1, с. 44], что материал для «Руслана и Людмилы» черпался им из издававшихся с начала XVIII в. русских лубочных книг, содержащих пересказы и переделки европейских куртуазных романов [1, с. 78]. Пушкинский «Бахчисарайский фонтан» называется в ряду произведений мировой литературы, связанных с мотивом гарема («Персидские письма» Ш. Монтескье, «Дон Жуан» Байрона) [1, с. 96]. В лекциях по истории зарубежной литературы, говоря о «Минне фон Барнхельм» Г. Э. Лессинга, Бахтин сравнивает майора Теллхейма (Тельгейма) с пушкинским Гриневым [4, с. 284—285, 366]. Важную роль для Бахтина имеет оценка Пушкиным тех

или иных явлений западноевропейской литературы: поэтов французской «Плеяды» [4, с. 249, 310], творчества Вольтера [4, с. 269] и др. Вместе с тем Бахтин подчеркивает: «В нашем дореволюционном литературоведении можно было встретить ложное убеждение (Венгеров) о влиянии Шатобриана на южные поэмы Пушкина... Это ложь. Он (Пушкин) никогда не был байронистом, но еще менее и тем более не был он подражателем Шатобриана [5, с. 377]. В другом месте он говорит о том же: «В этом его (Пушкина) заслуга: жить мировой литературой и оставаться русским» [1, с. 52].

Разумеется, Бахтин упоминает в своих лекциях и имя Ф. М. Достоевского, творчество которого он изучал особенно внимательно. В курсах истории зарубежной литературы неоднократно встречается его имя. При рассмотрении литературы западноевропейского Средневековья, рассказывая о житийном жанре, лектор говорит о замысле романа «Великий грешник» у Достоевского, который своеобразно продолжал эту традицию [1, с. 35].

При рассмотрении германского эпоса Бахтин подчеркивает, что «мотивы Парсифаля имели большое отражение в последующей литературе, как и мотивы Лоэнгрин (эпоха Возрождения и последующее время) [1, с. 94]. Лектор сопоставляет образы Лоэнгрин в одноименной опере Вагнера и князя Мышкина в романе Достоевского «Идиот». Он считает, что Вагнер и Достоевский представили две в целом сходные версии средневековой легенды о рыцарях Монсальвата. Тема Лоэнгрин в средневековой легенде и в ее интерпретациях как у Вагнера, так и у Достоевского — это «тема чистого человека, который приходит откуда-то, где сохранил чистоту, чтобы помочь, спасти, а потом или погибает, или уходит обратно», это тема «любви-помощи», «тема спуска с высот Монсальвата к жизни и опять уход от нее» [1, с. 94]. Вагнер, по мнению Бахтина, «осложнил основную тему» (в частности, у него большую роль играет мотив доверия-недоверия к человеку, а также мотив одиночества художника, его непонимания людьми). В «Идиоте», отмечает Бахтин, «момент недоверия снижен. Но там — тема Лоэнгрин, хотя нет ни Монсальвата, ни рыцарей, ни Грааля, вместо Монсальвата — горы и деревушки в Швейцарии...». Князь Мышкин, согласно Бахтину, — «это Лоэнгрин, который должен помогать, но не вмешиваться в человеческую жизнь» [1, с. 94].

Бахтин называет роман «Идиот» крупнейшим произведением мировой литературы. При этом он высказывает негативное отношение к экранизации романа, только что (в 1958 г.) осуществленной И. А. Пырьевым: по его мнению, «картина чрезвычайно слаба» [1, с. 94]. Как известно, по убеждению Бахтина, полифонический роман невозможно адекватно перенести на сцену, тем более на экран (где зрительское восприятие всегда жестко ограничено кинокамерой).

Л. Н. Толстой упоминается в лекциях Бахтина не столь часто. В курсе «Введение в литературоведение», рассматривая вопрос «тема и идея произведения литературы», он говорит: «Идея проливает свет на все произведение, и, как нельзя отделить свет от освещенного предмета, так нельзя отделить и идею. Идея разлита по всему произведению. Тема же выбирается в зависимости от того, какие проблемы ставит жизнь, какие задачи надо разрешать. И раскрытие проблемы — первый шаг к разгадке, к изучению идеи... Гениальным в постановке проблемы был Л. Н. Толстой, но в конкретных решениях он гораздо слабее» [5, с. 420]. Говоря о значении внутренних монологов в раскрытии характера («без них нельзя раскрыть диалектику человеческой души»), Бахтин подчеркивает: «Мастером внутреннего монолога был Л. Н. Толстой» [5, с. 423]. В курсе истории зарубежной литературы, рассказывая о творчестве Ж-Ж. Руссо, он подчеркивает, что самым глубоким знатоком Руссо из русских классиков был Лев Толстой [5, с. 343].

Среди других параллелей отмечается сходство типа сатиры у Никола Буало и Антиоха Кантемира: «Хотя он не так абстрактен, как Буало, но всё же он руководствуется принципами абстрактной, общечеловеческой сатиры Буало» [5, с. 319].

При рассмотрении английской «кладбищенской поэзии» Бахтин (вполне традиционно) упоминает В. А. Жуковского, творчество которого начинается с перевода «Сельского кладбища» Томаса Грея [5, с. 282, 363].

Говоря о «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна, Бахтин вполне традиционно приводит пример очевидного влияния — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, однако подчеркивает, что русский писатель заимствует у Стерна лишь форму, наполняя ее своим содержанием, форма используется им «для выражения своих социально-политических взглядов» [5, с. 362]. Интересно

сопоставление Стерна с Н. В. Гоголем. Рассказывая студентам о романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», лектор обращает внимание на нозологический мотив: «Центральное событие романа — рождение Тристрама Шенди. Когда его вынимали щипцами, ему повредили нос. И Стерн описывает... какое значение в жизни человека имеет нос. (Сейчас нозологические произведения забыты, кроме одного — “Нос” Гоголя)» [5, с. 281, 362].

Рассматривая «Версальский экспромт» Мольера («очень оригинальная и смелая попытка. Он здесь изображает в качестве действующих лиц актёров своего театра, готовящих пьесу к постановке...»), Бахтин говорит о развитии «этого жанра — пьесы о пьесе — с выведением критиков и артистов — истолкователей ролей» у Гоголя («Театральный разъезд» и развязка «Ревизора») [5, с. 325].

Мольеровского «Мизантропа» Бахтин сравнивает с «Дон-Кихотом» М. Сервантеса: «Альцест напоминает Дон-Кихота, а Филинт — Санчо. Как Сервантес — ни с тем, ни с другим, так и Мольер — ни с Альцестом, ни с Филинтом» [5, с. 327]. Бахтин проводит параллель между «Мизантропом» и «Горем от ума» А. С. Грибоедова, в то же время подчеркивая: «Альцеста нельзя сравнивать с Чацким. Грибоедов в основу своей комедии положил русские, своеобразные прототипы, он шёл от русской действительности» [5, с. 327].

Таким образом, выявляя переклички, сходство и различие, прослеживая процесс влияния западноевропейской культуры на русскую, Бахтин показывает специфику «русского преломления» общеевропейских мотивов, тем и сюжетов. Лектор отмечает, что в некоторых случаях речь может идти о влиянии европейской литературы на русскую: русские поэты переводят европейских (Жуковский, ранний Пушкин и др.). В то же время, используя традиционные мотивы и образы мировой литературы, русские писатели в своем зрелом творчестве, по утверждению Бахтина, являются глубоко самобытными, тесно связанными с национальной культурной традицией и российской действительностью.

* * *

1. Бахтин М. М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность, Средние века / в записи В. А. Мирской; публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И. В. Клюевой, Л. М. Лисуновой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999.

2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. М.: Худож. лит., 1986.

3. Ключева И. В. «Скульптурная тема» в творчестве М. М. Бахтина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5—1 (43). С. 103—105.

4. Ключева И. В., Лисунова Л. М. Диалоги с мыслителем (Бахтинские чтения в Саранске) // Вестник Мордовского университета. 1991. № 2. С. 9—11.

5. Ключева И. В., Лисунова Л. М. М. М. Бахтин — мыслитель, педагог, человек. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2010.

6. Ключева И. В., Лисунова Л. М. Первые саранские Бахтинские чтения // Философские науки. 1990. № 5. С. 131—132.

7. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р—546, оп. 1, д. 257, лл. 177—178. (Протокол заседания кафедры литературы от 6 февраля 1953 г.)